

Ау Т.И.

к.ю.н., доктор PhD, заведующая кафедрой
общеправовых и специальных дисциплин КЭУК
Караганда, Казахстан
E-mail: tansher25@yandex.ru

Төлеубеков А.Т.

к.ю.н., доктор PhD, заведующий кафедрой гражданского и экологического права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
E-mail: yan_826@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕПРАВОВАЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Резюме. В данной статье анализируется история возникновения и развития социального государства и особенности проявления в Казахстане, рассматривается концепция социального государства и социальной государственности как политическая, общеправовая и конституционно-правовая модель.

Ключевые слова: социальное государство, социальная государственность, социальная помощь, социальные отношения.

Түйін. Берілген мақалада әлеуметтік мемлекеттің пайда болу және даму тарихы және Қазақстанда көріну ерекшеліктеріне талдау жасалады, әлеуметтік мемлекеттің және әлеуметтік мемлекеттіліктің саяси, жалпықұқықтық және конституциялық-құқықтық моделінің концепциясы қарастырылады.

Кілт сөздер: әлеуметтік мемлекет, әлеуметтік мемлекеттілік, әлеуметтік көмек, әлеуметтік қатынастар.

Summary. This article analyzes the history of the emergence and development of the social state and the features of manifestation in Kazakhstan, the concept of social state and social statehood as a political, General legal and constitutional legal model.

Keywords: social state, social statehood, social help, social relations.

Концепция социального государства и социальной государственности имеет исторические предпосылки и прошла большую историю в своем развитии. Так, сама идея помощи нуждающимся и малоимущим появилась раньше, нежели была оформлена в правовую форму. По мнению Л.Н. Кочетковой, «необходимо отметить, что отдельные исторические предпосылки социального государства проявляются уже на догосударственном этапе развития человечества» [1, с.45]. Правда, в качестве примера данный автор приводит случаи защиты виновных от самочинной расправы со стороны потерпевших или их родственников. «Таким образом, – полагает Л.Н. Кочеткова, – уже в родовом обществе, в том числе в самых примитивных обществах, существуют прочно встроенные в социальный организм и поддерживаемые властными структурами механизмы, направленные на сохранение как социума в целом, так и отдельных его членов, отражающие осознание ценности любой человеческой жизни, в том числе и жизни преступника» [1, с.46]. По нашему мнению, это не очень удачный пример, так как он весьма опосредованно отражает идею социальной ответственности, которая заключается в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Более наглядными примерами, отражающими эту идею, являются случаи оказания помощи родовым обществом вдовам и сиротам, оставшимся без кормильца.

Например, у гуннов, занимающихся кочевым скотоводством, существовал обычай, сохранившийся и у казахов вплоть до начала 20 века, когда после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах [2]. Конечно же, в основу такого обычая была заложена и другая причина – сохранение численности и нераздельности имущества, тем не менее, вдовам и сиротам оказывалась родовая поддержка.

В условиях становления государственности ярким примером были предписания Законов Ману об установлении опеки для женщин, бедных, лишившихся семьи, бездетных больных, а также закрепление в них обязанностей кшатриев и вайшья раздавать милостыню [3, с.79].

По мнению Э. Ренана, в эпоху Римской империи общественная помощь возникла лишь при императорах Нерве и Трояке, а наибольшего расцвета достигла при Марке Аврелии [4,с.45]. С.П. Шапошников, исследовав труды Э. Ренана, пришел к выводу, что «лишь во II веке нашей эры миру стал известен принцип, который заключался в организации опеки по отношению к бедным и рабам» [5,с.13].

В Древней Греции попечительством сирот, вдов и наследниц, оставшихся без попечения, согласно обычаям занимались архонты (архонтами называли в Древней Греции начальников, правителей, т.е. лиц, облеченных властью, высших должностных лиц в древнегреческих полисах (городах-государствах). И если в первом случае некоторая помощь нуждающимся вытекала из необходимости обеспечить нормальный ход судебного разбирательства, то во втором попечение выступает как деятельность, сопутствующая главной задаче архонта - надзору за гражданскими отношениями, в основе которых лежат отношения имущественные. Таким образом, налицо ситуация, когда общество не ставило перед собой задачи социальной защиты, но косвенно, в отношении отдельных членов и в отдельных ситуациях, ее реально закрепляло.

В средневековой Европе помощь необеспеченным или неспособным содержать себя осуществлялась за счет:

– «рекомендации себя под чье-либо покровительство», что, по сути, было установлением личной зависимости, когда не имеющий средств «отдавал» себя господину, который должен был оказывать помощь в пище, одежде [6,с.91];

– грамот о передаче своего наследственного достояния с условием предоставления пищи и одежды, цель заключалась в том, чтобы оградить себя от бедности, связанной с наступлением старости [7,с.149].

Оказание социальной помощи издавна находилось в сфере морали и религии и выражалось в форме милостыни нищим, убогим, больным.

На Руси известным примером, когда оказание социальной помощи вышло из рамок морали и религии и попало в сферу государства, стал Стоглавый собор (1551г.), созванный Иваном Грозным. Он, отметив распространение нищенства, рекомендовал принять практически первую на Руси «социальную программу». В этой рекомендации отмечалось: «...да повели благочестивый царь всех прокаженных и престаревшихся описать по всем Градам опроче здравых стоев, да в каждом граде устроити богадельни мужския и женския, и тех прокаженных и престаревшихся, не могущих нигде же головы подкони, устроити в богадельнях пищею и одеждою». В отношении же здоровых, трудоспособных нищих предлагалось, чтобы они «питались бы по дворам ходячи от боголюбцев, якоже и до днесь, а которые возмогут работать и они бы страды подлежали» [8,с.13].

Некоторые авторы полагают, что оказание социальной помощи зародилось в рамках семейных отношений. На это обращает внимание С.П. Шапошников. Он пишет, что «... некоторые исследователи не видят принципиального различия между семейными отношениями и публично-правовым институтом социальной защиты и полагают, что Русская Правда – первый славянский закон, включающий в себя подобие социальной программы в области защиты детей» [5,с.13].

Характеризуя данный период развития Российской империи, С.П. Шапошников утверждает, что «до середины XIX в. не только арсенал мер государственной социальной помощи был чрезвычайно мал, но и сама помощь носила эпизодический, «точечный» характер, что не позволяет рассматривать деятельность государства в этой сфере и качестве широкомасштабной социальной поддержки или социальной защиты. В свою очередь, личность (нуждающийся) не обладала никакими социальными правами» [5,с.15].

Мы не можем полностью согласиться с данным утверждением. Разумеется, объем социальной помощи со стороны государства был небольшой, но ближе к середине XIX в. она уже не носила «эпизодический, «точечный» характер», и трудно сказать, что у личности (нуждающегося) не было никаких социальных прав. Ведь в своей работе сам автор (С.П. Шапошников) отмечает, что у государственных и общественных структур появились обязанности по оказанию социальных услуг населению. А, как мы знаем, наделение субъекта обязанностями обуславливает появление у другого субъекта соответствующих прав.

Анализ основных предпосылок формирования концепции социального государства и социальной государственности в России проведен нами не случайно: с XVIII века с Россией соединяет свою историческую судьбу Казахское ханство, и, следовательно, в той или иной мере Россия оказывает политическое и социальное влияние на последнее.

В Казахстане зарождение идеи о социальной помощи со стороны государства имело некоторую специфику, обусловленную особенностями кочевой государственности. В отличие от последней европейская государственность была основана на земледельческой общине. По мнению В. Тулешова, «такая

община складывалась не только на основе прямого кровного родства, но имела более выраженный социальный характер образования, поскольку продукт земледелия не мог перемещаться как скот и, следовательно, требовал более глубокой профессиональной и социальной организации, чем это было в коллективе кочевников». Именно из-за данного отличия, отмечает он, «семья (род) кочевников поэтому стала основной производственной единицей в условиях кочевого способа производства. Отсюда родовая (этническая) принадлежность в кочевом коллективе стала определяющей, в то время как определяющей в земледельческой европейской общине, выросшей до состояния полиса, стала социальная («гражданская») идентичность. Именно поэтому определяющим качеством азиатской государственности стала этническая идентичность, остающаяся до сих пор в основе всех процессов её развития. Иными словами, поскольку частнособственнические и гражданские традиции свободных полисов не были присущи восточному обществу и государству, то именно этническая идентичность могла лежать и лежит до сих пор в основе государственной иерархии» [9,с.111].

Исходя из этих особенностей кочевой государственности, социальная помощь нуждающимся (вдовам и сиротам) осуществлялась в рамках семейно-родовой структуры общества. Как отмечает В. Тулешов, «на самом деле, все размышления о семье как о социальном институте, характеризующемся определёнными социальными нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулирующими отношения между супругами, между родителями и детьми, о семье как объединении лиц, связанных экономически – общим семейным бюджетом, о семье как территориальной единице, объединяющей лиц по признаку совместного проживания и о семье как биологической структуре, состоящей из родителей и детей, не имеют дальнейшего продолжения без определения семьи как этнической общности. Для Казахстана это имеет непреходяще важнейшее значение, поскольку в семейно-родовой структуре казахского общества заключалась и природа всего существа жизни казахов, включая все их исторические типы военно-кочевой демократии и весь их культурно-исторический строй жизни» [9,с.114].

На семейно-родовое начало, положенное в основу казахстанской государственности, указывают и другие авторы.

Так, А.Б. Кожаметов отмечает, что «сплочение и социализация в казахском обществе не были стихийными, они не были произвольными и спонтанными процессами, а основывалось на кровнородственной связи и родовом сознании. Поэтому, поскольку семья и все её члены были основой номадической общины, то отношения между членами семьи строились как отношения связанных между собой единиц, они, по сути, были разными, непохожими, но неразрывными частями единого тела семьи. Все основные элементы ментальности казахов происходили из семьи (рода) как номадической общины» [10,с.55].

З.Н. Сарсенбаева отмечает, что «стержнем социальных отношений кочевников и базовой ценностью мировоззрения являлось родственно-родовое начало, выступавшее основополагающим принципом самоидентификации индивида и с общиной, и с естественной средой обитания, прежде всего, с территорией как продолжением своего природного бытия» [11,с.157].

Еще одной особенностью развития организации общества в Казахстане являлось то, что регулирование социальной помощи осуществлялось в рамках морально-этических норм. А.Б. Кожаметов отмечает: «Специфика родовой социальной структуры кочевого народа помимо иерархии и тесной соподчиненности, предполагала и взаимную спаянность и ответственность каждого субъекта не только за свою собственную судьбу, но также и судьбу ближайших сородичей и в целом за социальную гармонию внутри клана. Такие отношения скреплялись своеобразным социально-этическим кодексом, выраженным в заветах предков - «ата-сөзі» (слова старцев), «аталардан қалғаносиет» (заветы предков), – которые предполагали сохранять единство при любых обстоятельствах.

Семейный, родовой социальный капитал, следовательно, выражался в формах поддержки индивида в повседневной жизнедеятельности, что, в свою очередь, нашло отражение в кодексах поведения, знать которые с детства приучались все члены рода (племени, этноса). Известен в родовой традиции принцип «асар» (взаимовыручка, поддержка), когда все представители социальной группы приходили на помощь нуждающемуся в этом индивидууму, помогая, и материально, и духовно, сочувствуя ему в минуты горя, и находясь рядом в минуты радости. Таким образом, принципы «жетіата» и «асар» повседневно и полнокровно задавали каждому казаху, всему народу неустрашимую внутреннюю тягу друг к другу, к воплощению этических идеалов и ценностей, в чем проявлялось их единство и отличие от других» [10,с.55].

Далее А.Б. Кожаметов подчеркивает основное различие между общественным строем Казахстана и европейских государств: «Для казахского кочевого общества с рационально неинституционализированной, формально-правовой политической системой, морально-этические критерии выступали главными основаниями политической социализации. И если западная политическая традиция пережила разрыв морали и закона в пользу закона и объективных нормативов, стандартов поведения, то кочевая политическая традиция долгое время сохраняла верность установленным моральным принципам. Степная «лихая вольница», представлявшаяся со стороны как своего рода «разбойничья обитель», на самом деле обладала достаточно строгой структурно-функциональной иерархией, о чем говорилось выше, и высокой степенью соблюдения морально-этических норм и табу, принятых в политическом поведении» [10,с.55].

Вышерассмотренные особенности кочевой государственности можно считать предпосылками зарождения в Казахстане если не идей социального государства, то, по крайней мере, идей социальной ответственности общества.

Во-первых, семейно-родовая структура казахского общества обусловила оказание социальной помощи не со стороны третьих лиц или публичных образований, а внутри самого рода, семьи.

Во-вторых, социальная помощь нуждающимся прежде всего закреплялась в социально-этических нормах.

В-третьих, даже последующее правовое опосредование осуществлялась не в рамках писаного права, а в правовых обычаях, в так называемом обычном праве казахов - в кодексе Моде, «Джасаке» Чингисхана, «Светлом пути» Касым-хана, «Древнем пути» Есим-хана, «Жеті-жарғы» Тауке хана и т.д.

Первооснову социальной помощи нуждающимся составлял ряд традиционных обычаев, закрепленных в нормах обычного права.

Подводя итоги, отметим следующее:

1. Концепция социального государства и социальной государственности как политическая, общеправовая концепция была сформулирована лишь в XIX веке, что признается многими авторами. Так, в частности, Е.Г. Нечаева отмечает: «вплоть до XIX столетия идея социального государства не была сформулирована как научная концепция или самостоятельная правовая теория. Положения о достойном материальном существовании и пагубности неравенства являлись отдельными аспектами философских и политэкономических исследований, направленных на поиск наилучшего государственного устройства» [12,с.5].

Основателем данной концепции считается Л. фон Штейн, который в книге «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии» писал: «государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти». Государство должно «осуществлять экономический и общественный прогресс всех его членов, так как развитие одного является условием и следствием развития другого, и в этом смысле мы говорим об общественном или социальном государстве» [13,с.17].

Данная идея была поддержана и другими учеными, в частности, Вудро Вильсоном, который писал об обязанности государства создать всем равные условия (шансы) и поддерживать определенный уровень жизни, Леоном Дюги, выдвигавшим концепцию «государства-добра» [14], Ф. Фабрициусом, который связывает с социальным государством такие характеристики, как обязательство государства заботиться обо всех слоях населения и о группах, находящихся в более слабом экономическом положении; обязанность государства уравнивать противоположные социальные интересы и предоставлять возможность всем гражданам вести достойную человеческую жизнь; обязательства и полномочия государства создавать социальный порядок; влияние новых и различных форм и интересов на собственность, включая ее перераспределение; обязательства индивида принимать участие в решении общих задач, проблем совместной жизни [15,с.218].

2. Как конституционно-правовая модель концепция социального государства и социальной государственности получила признание гораздо позже. В законодательстве понятие «социальное государство» впервые появилось в Конституции (Основном Законе) ФРГ 1949 г. Затем оно вошло в Конституции Франции 1958 г., Испании 1978 г., Румынии 1991 г., Словении 1991 г., Украины 1996 г., Колумбии 1991 г., Перу 1993 г., Эквадора 1998 г., Венесуэлы 1999 г., ряда других стран, и, как мы уже отмечали выше, в Конституции РФ 1993 года и Конституции Республики Казахстан 1995 года.

3. Концепция социального государства и социальной государственности в Казахстане имела свои исторические предпосылки. Можно произвести периодизацию становления и развития социальной государственности в Казахстане:

I период (с III тысячелетия до н.э. - до XVIII в. н.э.) – зарождение казахской государственности и формирование норм обычного права, направленных на оказание социальной поддержки со стороны казахской общины.

II период (с XVIII в. н.э. до 1917 года) – период ликвидации государственно-правовых систем кочевников Казахстана и превращение единого Казахского ханства в колонию Российской империи. Данный период, характеризуется наличием наряду с нормами обычного права казахов имперских норм о социальной помощи со стороны государства.

III период (с 1917 года по 1991 года) – советский период, особенностью которого является существенное увеличение объема оказываемой социальной поддержки своим гражданам со стороны государства, повышение социального статуса неимущих слоев населения за счет уничтожения бывшего господствующего класса и перераспределения его собственности, одновременное уравнивание социального статуса всех граждан.

IV период начинается с момента обретения Казахстаном своей независимости и длится по настоящее время. Это период, в течение которого закладываются политические, правовые и экономические основы социальной государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.14.
2. <http://www.testent.ru/index/0-33/> Образование государства Хунну. Общественно – политический строй
3. Законы Ману // Памятники литературы народов Востока. Переводы. Часть IV. М.: Наука, 1960.
4. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. Ярославль: Терра, 1991. С. 45.
5. Шапошников С.П. Социальное государство в России: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2010. № 11. С. 13.
6. Социальная история Средневековья. М.: Норма, 1997. С. 191.
7. Хрестоматия по истории Средних веков / Под ред. Грацианского Н.И. и Сказкина С.Д.. М.: БЕК, 1993. С. 149.
8. Антология социальной работы. Т. II: История социальной помощи в России / Сост. Фирсов М.В. М.: Сварог НВФ, 1994. С. 13.
9. Тулешов В. Азиатский путь: история XXI века. Часть II «Универсальное государство. Схождение Востока и Запада». Алматы: Алматы кітап, 2010. С. 111.
10. Кожухметов А.Б. Проблемы формирования социального капитала в условиях социально-экономической модернизации: Аттестационная работа на соискание степени «Доктор делового администрирования». М., 2011. С. 55.
11. Сарсенбаева З.Н. Этнос и ценности. Алматы, 2009. С. 157-158.
12. Нечаева Е.Г. Становление теории социального государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2. С. 5.
13. Stein L., von. Gegenwart und Zukunft der Rechts-und Staatswissenschaften Deutschlands. Stuttgart, 1876. S.17.
14. Егоршина О.П., Семенов О.В. Становление и развитие идеи социального государства // Социальное правовое государство. Вопросы теории и практики: Материалы межвузовской научно-практической конференции, 21 июня 2003 г. СПб., 2003. С.78-79; Болотина Е.В. Истоки и эволюция представлений о социальном государстве. Там же. С. 80-81.
15. Новгородцев П.И. Введение в теорию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 218.